

Жань Вэнь с упрёками отбросил стул позади себя, поднялся на ноги, а одной рукой продолжал шарить по поясу в поисках чего-то.

Услышав слова Кевина, Лун Хай и Гэ Сан могли лишь тяжело вздохнуть, думая про себя: «Что это вообще за цирк?» В конце концов, когда человек предается чувствам и проявляет эмоции — это вполне нормально, неужели нужно было поднимать такой шум из-за какой-то еды? Но как только они оба собрались встать, чтобы пресечь столь непристойное поведение Кевина, тот вытащил из-за пояса какой-то предмет и с тяжелым стуком швырнул его на стол. Посуда и тарелки на столе разом подпрыгнули, расплескав вокруг брызги и остатки похлебки, а старик от этого удара задрожал всем телом и прервал свои рыдания и молитву. Размазывая по лицу две полосы соплей, он уставился на Кевина полным недоумения взглядом.

Опираясь руками о стол, Кевин свирепо бросил старику:

— Старик, тебе повезло, твою молитву услышал Зверинный Бог. Учитывая твоё искреннее раскаяние, Зверинный Бог счёл твою молитву услышанной. Поэтому я, как его посланник, и мои товарищи решили помочь тебе положить конец этой бессмысленной войне. Свет Зверинного Бога озаряет тебя!

Слушая надменную речь Кевина, старик даже забыл вытереть сопли, свисавшие с носа. Длинная сопля потянулась по его бороде прямо на стол, а сам он смотрел на безумца перед собой так, будто перед ним был круглый идиот. Этот парень наверняка сошел с ума. Нет, либо он безумец с рождения, нет — он просто прирожденный идиот. Так думал старик.

Но когда рука Кевина медленно оторвалась от столешницы, этот ухмыляющийся парень всё же нанес по психике старика тяжелейший удар.

С грохотом челюсть старика рухнула прямо на стол, в лужу только что скапавших из носа соплей. Его взгляд надолго остекленел, а затем вмиг стал безумным. Это безумие ничуть не уступало взгляду пятидесятилетнего старого холостяка, который в момент, когда поднимает красную фату, обнаруживает, что его невеста — писаная красавица, да к тому же еще и шестнадцатилетняя девственница. Он уставился на предмет, швырнутый Кевином на стол, с таким безумным выражением в глазах, что долгое время не мог сделать ни единого движения. Его грудная клетка даже перестала вздыматься, этот малый попросту забыл как дышать.

Как раз когда Ватт уже колебался, не пора ли принимать реанимационные меры, грудь старика наконец глубоко задышала.

Его дыхание было невероятно тяжелым, словно меха, приводимые в движение властью, с безумным и невероятным ритмом издавая звуки ху-чи, ху-чи. Он поднял руку и яростно потер глаза. Затем медленно приподнял зад и изо всех сил потянулся через стол, пытаясь дотронуться до вещи, которую Кевин бросил перед ним. Все это время он не моргал ни единой секунды, и в его глазах не существовало ничего, кроме этого предмета.

Это была круглая эмблема с вырезанным на ней пятипалым золотым драконом. Золотой дракон на эмблеме извивался и скручивался кольцами, а его глаза, казалось, вещали старику о

незыблемом, неприкосновенном величии. Старик понимал. Он не раз падал на колени перед этим узором с искренней молитвой, но когда этот узор предстал перед его глазами в виде эмблемы, ему вдруг показалось, что весь мир наполнился живительной силой.

Едва рука старика коснулась эмблемы, как он отдернул ее, словно от удара током — величие, воплощенное в этой эмблеме, было никоим образом не тем, что он мог дерзнуть осквернить. Он в панике выпрямился, судорожно провел руками по лицу и одежде, стирая слезы и сопли и одновременно приводя в порядок одежду. В спешке он даже опрокинул стоявший позади стул. Однако старик совершенно этого не чувствовал и даже не осознавал, как именно он обошел стол и оказался рядом с Кевином.

Видя, как Кевин с торжественным лицом прикрепляет эмблему к левой стороне груди, подошедший к нему старик рухнул на колени. Старик опустил на колени с такой силой, что по каменным плитам пола пошла мелкая трещина, но он, казалось, вовсе не чувствовал боли. С полным благоговения лицом он медленно распростерся ниц на земле, вытянув ладони вверх по обе стороны от тела, а лбом плотно прижался к плитам. От него донесся почтительный голос, в котором каждый мог отчетливо уловить нотки трепета:

— Уважаемый герой, ходок Зверинного Бога в мире сего, прошу, простите вашего нижайшего слугу Мао Фэна, чьи старые глаза ослепли и не разглядели вашего благородного происхождения, из-за чего проявил неуважение к вам.

Столкнувшись с непрерывным потоком слов старика, Кевин в муках схватился за голову и бросил молящий о помощи взгляд на окружающих, но те дружно задрали головы и принялись тихонько обсуждать причудливую форму люстры.

Это действие заставило Кевина умолкнуть от растерянности. Бессильно опустив взгляд, он снова посмотрел на распростертого на земле старика и тяжело вздохнул. Глубоким тоном Кевин произнес:

— Глава Мао Фэн, встань и отвечай.

— Слушаюсь.

Голос старика по-прежнему звучал предельно почтительно. Он медленно поднялся на ноги, хотя тот тяжелый удар коленями о пол наверняка причинил им определенный вред. Во время подъема его тело качнуло из стороны в сторону, и подхватившие его с двух сторон Линь Жуй и Лун Хай вовремя поддержали старика. Однако его взгляд по-прежнему был устремлен в пол, не смея поднять головы. Он просто не мог вообразить, что перед ним находился... юанец, пускай и выглядевший несколько свирепо, но оказавшийся обладателем Эмблемы Золотого Дракона! Этого Мао Фэн никак не мог заметить при первой встрече с ними. В конце концов, при всей своей проницательности, кроме Лун Хая и Гэ Сана, он не обнаружил ничего особенного ни в Кевине, ни в Ватте. Что же до Линь Жуя, то этот непримечательный коротышка и вовсе не мог привлечь к себе никакого внимания.

И тем не менее, именно эта беспечность заставила его непреднамеренно оскорбить юанца, носящего звание героя. Обычные юанцы не имеют абсолютно никакого статуса на Континенте

Зверей, ведь эти хилые создания попросту не способны приспособиться к условиям выживания звероловцев. Но когда старик обнаружил, что презренный, унижаемый и высмеиваемый им юанец действительно обладает статусом героя, его спина уже промокла от пота, и он даже не смел смотреть Кевину в глаза. В конце концов, на Континенте Зверей, где царил культ силы, обладатели Эмблемы Золотого Дракона неизменно принадлежали к вершине боевой мощи. Истории тех, кто пытался бросить вызов этой вершине или оскорбить ее обладателей, обычно заканчивались крайне плачевно.

Пока старик предавался внутреннему напряжению, сбоку протянулась рука. Старик воочию видел, как эта рука решительно тянется к его верхней части тела, но зажатый между Гэ Саном и Лун Хаем, он был полностью лишен возможности увернуться. В то время как его глаза в смеси страха и сомнений следили за траекторией движения ладони — пытаюсь понять, собирается ли хозяин этой руки перекрыть ему горло или сломать ключицу, — ладонь эта мягко опустилась ему на плечо и легко похлопала. Движение было нежным, но давало прилив сил.

— Не забивай себе голову. Мы уже видели всё по дороге. Возможно, это не значит, что на всем Континенте Зверей абсолютно все звероловцы из-за пучины войны страдают от столь трагичной участи. Но если судить по частностям о целой картине — если бы не эта война, на Континенте Зверей никогда бы не возникло подобных пейзажей. И прямую ответственность за это несут раса львов и тигров, которые не могут снять с себя вину.

Кевин замолчал, сделав несколько яростных затяжек докуренным бычком, и лишь когда жар обжег ему губы, бросил его на землю и безжалостно затушил носком ботинка. Между ним и стариком тут же клубами поднялся дым. Глядя на внезапно поднятые к нему глаза старика, полные тревоги, он улыбнулся:

— Впрочем, наша первоочередная задача сейчас вовсе не в том, чтобы искать виноватых, а в том, чтобы остановить эту длящуюся уже столетие войну. Война заставляет детей Зверинного Бога покидать родные дома. Нет, судя по тому, что я видел, у большинства людей даже нет права покинуть родные места — из-за этой войны они прямо или косвенно лишились жизни.

— Вы абсолютно правы, уважаемый герой.

Настроение старика наконец успокоилось. Он оттолкнул поддерживавших его мужчин и с поклоном встал рядом с Кевином.

— Судя по текущей военной обстановке, раса львов и тигров, похоже, в ближайшее время готовится начать крупномасштабное сражение. Прекращение распри между обеими сторонами — это действительно насущная необходимость.

— Крупномасштабное сражение? С чего ты взял? — спросил Кевин.

— Уважаемый герой...

— Зови меня Кевином! — поправил его Кевин.

— Герой Кевин... — Кевин почувствовал некоторую досаду, но лишь беспомощно покачал

головой, не став больше возражать старику. — Наш небольшой городок находится очень близко к Ванчэну клана львов. Стоит лишь перевалить через земляной холм к востоку от городка, как откроется вид на Ванчэн. Если подсчитать, дорога займет меньше двух часов. С начала борьбы за королевскую власть объемы подкреплений и обозов с продовольствием, направлявшихся к Ванчэну, всегда были главным объектом нашего наблюдения. Каждый год мы по этим данным определяли время начала ежегодного генерального наступления.

— Как так? Неужели зверолюди до того деградировали, что столетняя война ведется исключительно вокруг одного-единственного Города Бессонных Ночей?! — Ватту это показалось забавным. Даже самый глупый военачальник не стал бы вести подобное линейное наступление на протяжении целого века.

— Всё совсем не так, как вы себе представляете. На самом начальном этапе войны бои за оборону и нападение велись на всех мелководных участках вдоль Реки Белого Аллигатора. Однако после столетней ожесточенной борьбы ни у расы львов, ни у тигров уже не осталось столь мощных сил, чтобы поддерживать многовекторный формат сражений. В результате обе расы единогласно сосредоточили все усилия на осаде и обороне Города Бессонных Ночей. В конце концов, будучи некогда столицей, Город Бессонных Ночей обладает самым весомым политическим значением среди всех зверолюдей. Иными словами, текущий формат сражений полностью свелся к битве за обладание Городом Бессонных Ночей: тот, кто в итоге захватит эту столицу и полностью сокрушит противника, и станет будущим правителем всех зверолюдей. А прежний Объединенный совет с полным уничтожением одной из сторон окончательно канет в лету, уступив место абсолютной монархии, чтобы править Континентом Зверей в качестве истинного королевского рода.

Сказав это, старик бросил мимолетный взгляд в сторону Ватта, и от этого единственного взгляда его едва снова нехватило хватил удар броситься на колени.

— Алчность, какая алчность... — покачивая головой, произнес Ватт, а сиявшее на его левой груди золотое сияние не только резало глаза старику, но и глубоко тревожило его душу.

<http://bllate.org/book/21991/2286174>